

Д. Красковский

16+

ПО ЭТУ СТОРОНУ
МАТРИЦЫ

Д. Красковский

По эту сторону матрицы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Д. Красковский

По эту сторону матрицы / Д. Красковский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06647-2

Д. Красковский – творческий псевдоним автора, интересы которого связаны с компьютерами, 3D-печатью, виртуальной реальностью и другими современными технологиями. В сборник вошли как уже опубликованные, так и ранее не издававшиеся произведения, в основном в жанре «НФ-скетчей». Одни из них заставят вас улыбнуться. Другие предложат взглянуть на известные вещи с совершенно иной стороны. А некоторые призовут задуматься: туда ли мы идем вместе с этими новыми технологиями. Не зря сборник так называется – мир всё более превращается в «цифровую матрицу», и читателю предлагается решить: какая ее сторона для него – «эта»...

ISBN 978-5-532-06647-2

© Д. Красковский, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Абсолютное оружие	5
Киборг с человеческим прошлым	5
Витаманцер	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Абсолютное оружие

Киборг с человеческим прошлым

Эль безмолвно смотрел на сверкающую пудру далеких звезд, рассыпанных по беспросветно черному бархату неба там, за толстым пластиком иллюминатора. По расписанию дня (хотя какой там день – внутри металлической скорлупки, уже который месяц болтающейся на окраинах Галактики, это только фикция) давно полагалось спать. Тем более что «утром» на поблажки в смысле проснуться попозже рассчитывать не приходится: всего через каких-нибудь 20 часов они войдут в метеорный пояс Касситерид, тогда придется и пострелять, и поманеврировать. А к этому надо еще заранее подготовиться – одним словом, для двоих работы более чем достаточно. Эль глянул вправо, туда, где в своем гамаке мирно посапывала во сне Гайя. Самому же Элю спать не хотелось – хоть тресни! Он отстегнул фиксационные пояса, выплыл из гамака и уткнулся лбом в гладкую поверхность иллюминатора. Где-то почти за порогом восприятия мерно шелестел вентилятор биокондиционера, но под этот убаюкивающий шум вместо сновидений волной нахлынули воспоминания...

Первым делом, конечно же, Большая война. Из-за чего она началась – точно не узнает уже никто и никогда. Известно лишь, что вначале был всего лишь банальный локальный конфликт где-то на востоке материнской планеты, больше трехсот тридцати лет назад. Когда же Земля по большей части превратилась в обгорелый и многократно перепаханный осколками радиоактивный шар, сражения продолжились на других планетах солнечной системы, уже к тому времени освоенных, – от Венеры до Сатурна включительно.

Это была и его битва. Его и многих других сыновей и дочерей Марсианской колонии. И для очень многих она стала последней. Собственно, за то, что он выжил в этой бойне, Эль должен благодарить ту давнюю аварию в водяных шахтах. А главное – создателей универсального интерфейсного модуля – УИМа, позволяющего интегрировать живой мозг в любой электронный механизм, заменяющий безнадежно искалеченное тело. Эль стал первым испытателем модуля: терять ему тогда было нечего.

С тех пор он сменил уже немало тел: неуклюжий горный робот, похожий на гигантского крота с налобным ультрафиолетовым лазером-спаркой, наскоро приспособленный под интерфейс УИМа; затем серийный образец, сжиться с которым было несколько удобнее, – УИМы уже спасали жизнь многим, и разработка корпусов под них выросла в целую индустрию; потом, когда добыча из недр Марса водяного льда была наконец полностью автоматизирована, – легкий гуманоидный корпус серии «Катран» с идеально симитированной пластиковой кожей и шелковистыми волосами, – даже глаза были на вид совсем настоящими, а не с желтоватой филигранью фасеток... А потом – вспышки аннигиляционных бомб и огненный ад.

С чего началась эта заваруха, понять было уже сложно. Судя по всему, – снова с мелочи, с почти незаметного недопонимания, помноженного на непреодолимую гордыню и стремление «насолить» соседу. Впрочем, докосмическая, или, как ее частенько именуют теперь в информ-пакетах по новой истории землян, «планетарная» эра была битком набита подобными сюжетами, когда мелкая свара быстро перерастала во всеобщую бойню, и только после этого и виновные, и равнодушные начинали понимать, что совершили ужасную ошибку. Когда было уже поздно.

Вот так же и Первая марсианская... Поначалу Земля, а вернее, фактически захватившая власть на ней Конфедерация Объединенных Штатов, предполагала лишь наказать колонистов за слишком низкие цены, по которым те продавали добываемые в красных песках железо

и серу. Там, где властвуют деньги, арсенал средств всегда невелик: сначала подкуп, потом угрозы, а затем и насилие, цель же – если это деньги и власть – оправдывает любые средства. Сначала это были автоматические рейдеры-камикадзе, управляемые примитивными трасском-пьютерами и несущие обычный пластик, – конфедераты еще опасались реакции остальных государств Земли и автономных колоний. Или, может быть, рассчитывали увидеть марсиан с поднятыми руками после первых же ракетных атак. Но свобода жить на своей планете далась колонистам слишком дорого, чтобы отдать ее кому бы то ни было. Противометеоритные лучевые пушки были превращены в противоракетные и сначала неуверенно, а затем все точнее поражали космических стервятников. И вот, в ярости корчась от собственного бессилия, Конфедерация решила на аннигиляционные бомбы...

Тех, кто смог выжить после первых ударов, приютили расконсервированные и наспех приспособленные под убежища старые глубинные шахты. И когда на покрытую оплавленными язвами воронок поверхность Марса опустились первые десантные крейсеры конфедератов, вместо ожидаемой покорности их встретили небольшие, маневренные и бесстрашные отряды. Только киборги могли выжить в насквозь пропитанной радиацией жиденькой атмосфере Марса, которая прежде оставалась вне ситалловых защитных куполов.

Перед глазами Эля скользили тени событий. Он был одним из первых, вступивших в бой с вооруженными по последнему слову военной техники армадами «ящеров»: именно такую эмблему – с оскаленной драконьей пастью на фоне трех языков огня Конфедерация выбрала своим гербом. Эль тогда был танком, одним из двух десятков гусеничных транспортов, в мирной жизни предназначавшихся для перевозки руды и стройматериалов. Конечно, танком такой транспорт можно было назвать очень условно, но после оснащения бронекорпусом, защищающим живой мозг «пилота», его УИМ и немногие жизненно важные узлы механизмов жизнеобеспечения, а также спаркой стандартных горных лазерных резаков он становился весьма действенным оружием...

Погружаясь в полудремоту-полуявь, заменяющую киборгу нормальный сон, Эль снова возвращался в первые дни боев, врезавшиеся в память и оставшиеся в ней навсегда, словно заживший когда-то давно, но так и не разгладившийся шрам.

Ощущение себя как части грузной, неповоротливой после привычного «Катрана» машины, быстро таяло. Эль словно сживался со своей новой телесной оболочкой, срастаясь с ее холодными металлическими членами в единое целое. Приятное тепло прогретого двигателя, ровное дыхание его импульсного термоядерного микрореактора и мягкое чувство сытости, когда топливные камеры полны. Опьяняющее стремление бежать вперед и вперед, взрывая траками гусениц песчаные дюны и оставляя за кормой смерчи бурой пыли, бешеными рывками в стороны уворачиваться от разрядов конфедератских плазменных кулеврин и частыми морганиями век накрывать веерами невидимых лазерных мечей тускло-серые скафы с ненавистным «ящером» на шлемах. А над головой, – вернее, над заменяющей ее теперь скорлупой защитного кокона, – вьются, будто стаи рассерженных ос, птераны прикрытия, поливающие врага электромагнитными залпами, подставляющие себя под плазменные разрывы, но напрочь сбивающие прицел тяжелых плазменных гаубиц конфедератов и заставляющие их пламя бессильно жечь только пустой песок. Хрупкие, слишком беззащитные треугольники птеранов один за другим падали наземь, рассыпая снопы искр и превращаясь в груды бесформенных обломков, и тогда, подобно валькириям из полузабытых сказаний древности, на них пикировали маленькие сфероиды высотных разведчиков, схватывали кривыми паучьими лапками своих манипуляторов бесценные коконы пилотов и стремительно уносились с ними, спасая скрытый в них живой мозг. И вся эта мешанина огня, металла и песчаной пыли перекрывалась многоголо-

сой скороговоркой мыслеобразов, которыми обменивались УИМы, выстреливая их очередями сверхвысокочастотных радиоимпульсов...

Эль вздрогнул, почувствовав холодное прикосновение к его сознанию бортового компьютера «Мирон». – Чего тебе? – переслал он недовольный отклик кристаллическому мозгу машины, которой его собственный, усиленный электроникой мозг почти не уступал в быстродействии. «Мирон» ответил серией навигационных данных, касающихся необходимого в этой насыщенной астероидами зоне пространства изменения полетной траектории, но в данном случае излишних для Эля. Вообще-то давно следовало отключить этот постоянно мешающий резервный канал связи и пользоваться обычным дисплеем. Но своевременный вызов «по резерву» уже выручал его в двух-трех рискованных ситуациях, и терять такое важное преимущество в борьбе со случайностями Дальнего Космоса Элю не хотелось.

Эль отплыл от иллюминатора и осторожно, чтобы ненароком не разбудить Гайю, направился в грузотсек осмотреть крепления контейнеров, – выдержат ли они рывки противометеорных маневров. Проплывая совсем рядом с ее гамаком и слыша ее ровное, легкое дыхание, Эль ласково улыбнулся, любуясь прелестным Гайиным личиком, словно обрамленным шелковыми волнами густых золотых волос, а она, словно чувствуя во сне его внимание к ней, улыбнулась в ответ. Эль нырнул в круглый люк межсекционного перехода, вспоминая мгновения их первого знакомства...

Собственно говоря, то, что они теперь летают вместе, так же удивительно, как если бы обычная звезда вдруг обрела правильную кубическую форму или какая-нибудь планета в одночасье сошла бы с привычной орбиты и начала выписывать кренделя по всему окрестному пространству. Гайя была *дисой*, а это говорит само за себя.

Дисы – это, пожалуй, одна из самых таинственных цивилизаций из всех разумных рас, с которыми землянам довелось вступить в контакт, – а точнее просто довелось обнаружить в космосе, поскольку официального контакта так и не состоялось ни при одной подобной встрече. По некоторым данным, дисы происходили из небольшого планетного роя в районе скопления «аш» Персея. Предками их были не обезьяноподобные существа, как в случае Земли, а крупные ночные грызуны, от которых современные дисы унаследовали несколько своеобразную внешность – сильно напоминающую старые диснеевские мультяшки, из-за чего этой расе землянами и было дано такое название: феноменально крупные глаза и сверхчувствительные локаторы ушей, а заодно и прямо-таки фанатическое стремление к независимости и от чужаков, и от себе подобных. Ко всему этому примешивалась и преизрядная доля агрессивности, даже гораздо ярче проявляющаяся, чем у людей, а посему не следует удивляться, что исходная дисовская планетная система давно уже представляла собой радиоактивную, разлетающуюся с огромной скоростью пылевую туманность. В живых после такого аутодафе осталась лишь небольшая часть довольно значительной в прошлом популяции, рассеянная в пространстве Дальнего Космоса на небольших, как правило, семейных кораблях, практически никогда не вступающих в контакты и в лучшем случае ограничивающихся в ответ на любые запросы короткой «стандартной» фразой: «Нет подходить близко. Следовать свой путь.» Чаше же ответа не было вообще, а дисовский кораблик практически сразу начинал разгон и уходил в свержсвет, – довольно, впрочем, примитивным, сопровождаемым мощной световой вспышкой способом. Сложно сказать, почему дисы не вымерли за прошедшие со времен Взрыва почти шестьсот лет при такой нелюдимости; должно быть, их выручала лишь удивительная живучесть и долгожительство, помноженное на известный из теории относительности эффект замедления времени...

Учитывая все это, надо было признать, что Гайя была явно *нетипичной* дисой – по крайней мере, по характеру. Хотя во всем остальном дисы вполне могли бы ею гордиться. Как и

все ее ныне живущие соотечественники, Гайя родилась в Космосе, на борту старенькой звездной лодочки – довольно-таки изношенной и давно оказавшейся бы на свалке, если бы не Гайины старания, – но зато это была *настоящая* дисовская посуда еще «довзрывной» эпохи, которая и составляла все ее безраздельное наследство. Так что неудивительно, что Гайя была пилотессой сверхвысокого класса, наизусть знала устройство почти чего угодно, относящегося к миру техники (не говоря уже о собственном кораблике), почти любое из этого «чего угодно» могла разобрать и собрать хоть с завязанными глазами и к тому же обладала феноменально быстрой способностью к обучению, – тут она вполне могла посоревноваться на равных с Элем, несмотря на его усиленные электроникой мыслительные способности...

Эль окинул хозяйственным взором ровные ряды зеленовато-бурых ребристых контейнеров и подергал один из фиксаторов, показавшийся ему подозрительным. Убедившись, что крепление по-прежнему держит намертво, он облегченно вздохнул и направился обратно к своему гамаку, вспоминая подробности своей первой встречи с Гайей.

Никакой особенной романтики при этом не было. Эль уже третий год корабельного времени болтался в совершенно пустой яме космического пространства радиусом этак в полсотни парсек, занимаясь своей привычной работой – розыском и утилизацией брошенных космических кораблей независимо от их класса и расовой принадлежности. Конечно, профессия звездного старьевщика не считалась особенно престижной, да и что-нибудь заслуживающее внимания попадалось редко: в густонаселенных районах Галактики все давно было выбрано за исключением разве что шальных посудин, залетающих со стороны, так что за каждой приходилось подолгу охотиться на самых окраинах Звездной Ойкумены. Но время для киборга не значило почти ничего, а редкие находки все же надежно окупали предприятие, хотя бы и без заметной прибыли. Законы старьевщиков просты: найдя, сдай при удобном случае властям боржурнал (или то, что его заменяет), а всем остальным, и в том числе полученной информацией можешь распоряжаться как хочешь. Даже если не пригодится для себя, за чужие технические диковинки всегда можно получить вполне приличную выручку. Тем более, что в Анклав – новую конфедерацию, возникшую на развалинах довоенных государств после распада Конфедерации Объединенных Штатов, – Эль уж никак не вписывался и вписываться желанием не горел. Первое время он подрабатывал пилотом на внешних трассах – спецы, а тем более киборги, изрядно потрепанной боями земной цивилизацией ценились на вес золота. Но полетав рейсов десять в составе экипажей, он плюнул, арендовал на все свои накопления подержанный грузовой трейлер «Геракл» и после изрядного его переоборудования направился на окраины в полном одиночестве, если не считать «Мирона». До тех пор, пока не наткнулся на прямо-таки царский подарок судьбы – огромный и судя по всему почти не поврежденный лурианский галеон странной спиралееобразной формы.

Быстро осмотрев находку во всех локационных диапазонах и не найдя ничего явно опасного, Эль пришвартовался к ближайшей удобной площадке на боку гиганта, поблизости от чего-то похожего на входной люк, даже не заметив маленькой, совершенно спрятавшейся между витками спирали чечевицеобразной лодочки, подобной малюсенькому ялику на фоне Левиафана.

Проникнуть внутрь оказалось, против ожидания, довольно легко: вход оказался приоткрытым, и можно было протиснуться в него без особых усилий. УИМ Эля продолжал поддерживать пси-связь с «Мироном», попутно «копаясь» в его обширной кладовой памяти на оптокристаллах: кроме всего прочего, в памяти «Мирона» имелась внушительная база данных по космическим посудинам самого разного вида и калибра, но встреченное спиралодисковое чудище сильно отличалось от всех известных ранее творений цивилизации Лурии. Информация, которую можно было получить даже за счет беглого осмотра этого технического монстра

(а тем более – выкачать из недр бортового биокомпьютера, если только он вообще уцелел, на что Эль, признаться, не слишком надеялся), представлялась достаточно ценной, – может быть, и для землян вообще.

Эль медленно продвигался вперед по узкому коридору, внимательно осматриваясь, чтобы не угодить *куда-нибудь _ о _ чем _ потом _ придется _ пожалеть*, и прикидывал, сколько удастся выручить за то небольшое, что ему, по всей вероятности, удастся снять с галеона с имеющимся не слишком богатым инструментальным арсеналом. Получалось не так чтобы и много (космомусорщикам платили без особых щедрот), но все же достаточно, чтобы целиком окупить этот рейс, сделать все нужные запасы на будущий, подремонтировать свой уже довольно-таки изношенный трейлер и даже оставить кое-какую заначку на черный день.

Он тщательно осмотрел попавшийся по дороге поломанный транспортный модуль, который, судя по остаткам похожего на вывернутый наизнанку черепаший панцирь пластоорганического кузова на плоской спине, когда-то предназначался для перевозки сыпучих грузов. Модуль был мертв уже давно: из треугольной пробоины в его тупоносом черепе свисали спутанные пучки стеклянных и металлических волокон, слеplенных ссохшейся пленочкой нервной ткани. Эль осторожно обошел растопыренные и скрюченные паучьи лапки транспорта и побрел дальше. Похоже, что это было что-то вроде большого рудовоза или такого же трейлера, как и его «Геракл», – конечно, по назначению, а не по размерам. И если исходить из всего известного о лурианской технологии, то весь этот длинный, практически пустой коридор, свернутый наподобие садового шланга, скорее всего, представляет собой грузовой отсек с расположенными через равные промежутки порталными люками. А потому придется еще долго идти по нему, пока коридор не упрется, наконец, в огромное, но такое крохотное по сравнению со всем кораблем ядрышко центральной командной рубки. Эль мысленно ругнул себя за забывчивость – ведь что напоминает ему этот космический бублик? да попросту организм лурианца, как Хранители описывают его в своих Хрониках. Тот же спиральный кокон, как у вымерших сотни миллионов лет назад земных аммонитов, – только лурианцы плавали не в толще воды, а в плотной метаново-аммиачной атмосфере своей гигантской планеты и располагались в центральной части своих силикатно-кальциевых спиралей, заполняя наружные витки водородом и жировыми запасами. А значит, ему, Элю, следовало сразу же пришвартоваться в самом центре спирали и искать вход там. Но возвращаться назад не хотелось, и Эль, вздохнув, потопал дальше: лишние денька три пешего хода его несколько не пугали. Во всяком случае, это лучше, чем творение Фирнов с их дьявольскими штучками насчет сферического квази-пространства, в которое он, помнится, имел возможность влопаться лет семь тому назад.

Тогда он наткнулся на болтающийся в точке либрации возле маленькой полупотухшей звезды маленький, брошенный за ненадобностью фирновский крейсерак (раза в два меньше его «Геракла»), и не долго думая сунулся в его раздутое как у наевшегося паука тускло-блестящее брюхо. После вскрытого экстрактором шлюзового люка шла овальная, затянутая неподатливой упругой пленкой дыра, ведущая куда-то в темноту. Эль несколько раз попытался прорезать пленку малым лезвием того же экстрактора, который только что так легко вспорол ситалловую обшивку люка, пару раз с досады пнул проклятую занавесь башмаком с тяжелой круглой нашлепкой магнитного фиксатора и, совершенно не преуспев, сочно помянул этих муравьев-переростков Фирнов вместе с их проклятушей техникой вслух, а заодно и во всех доступных ему электромагнитных диапазонах. В тот же момент чертова пленка подалась, и Эль, едва успев заметить краем глаза сложную паутинчатую структуру ее полупрозрачной толщи, ухнул в пустоту.

Когда он, наконец, пришел в себя и догадался включить налобный фонарь, то увидел... да собственно, только прикрепленный к его поясу страховочный штуртрос (который он, слава те господи, догадался прикрепить снаружи, прежде чем лезть в распроклятую пленку), извивающийся малообразимыми кольцами и обрывающийся метрах в семи от него. И все. Вокруг –

совершенная темнота и пустота – даже по данным чувствительного гравилокатора. Уже потом, выбравшись из этой бездонной ямищи и запустив руки в соты фирновского бортового мозга (где, как ни странно, уцелело больше половины взрослых нейронов и изрядное количество находящихся в глубоком анабиозе личинок), Эль узнал, что побывал в огромном пузыре чужого пространства, которому в нашей Вселенной нет аналогий и которое свободно вместило бы в себя Землю вместе с Луной на ее орбите. Во всяком случае, Фирны на таких рейдерах иной раз (если верить их же информации) умудрялись перевозить чуть ли не целые звездные системы. Но в описываемый момент найти выход еще предстояло, а на его наличие не было никакого намека (да и бессмысленно искать дверь, ведущую наружу из квазипространственного пузыря).

Помогло, если честно признаться, простое везение: Эль заинтересовался болтающимся неподалеку свободным концом штуртроса – порвался он или просто отцепился от точки крепления, – и решил, подтянув трос к себе, проверить наличие на его конце фиксатора. Первые два-три метра он аккуратно складывал его кольцами, однако затем трос натянулся как струна, а его свободный конец выписывал замысловатые кренделя по внутренней поверхности невидимой окружающей Эля сферы и вовсе не собирался даваться в руки. Эль потянул сильнее – теперь уже он сам подтягивался все ближе к своей цели. Зажатый в кулаке трос заплясал бешеный танец, и наконец Эль одним быстрым движением сцапал непослушный обрывок. Сцапал – и не поверил своим глазам: пальцы исчезли в никуда, хотя и по-прежнему сжимали натянутый трос. Эль потянулся дальше – рука «растворилась» уже до локтя. Тогда он, начиная уже догадываться, одним рывком дернулся вперед, по бокам мелькнули знакомые паутины, и Эль вылетел из вскрытого им шлюза наружу с таким ускорением, словно получил хорошего пинка, а вновь натянувшийся штуртрос чувствительно рванул его за пояс. Мораль, – подытожил Эль свои воспоминания, – не зная броду, не суйся... куда не следует.

Когда витки спирали наконец-то уже готовы были стянуться в точку, Эль уже наполовину спал, размеренно вышагивая на автопилоте подсознания пополам с совместным электронным мышлением УИМа и «Мирона». Последнее, собственно, и выдало предупреждающий сигнал, заставивший Эля пробудиться от дремы, продолжавшейся, как он тут же выяснил у того же «Мирона», почти двое суток. Еще один поворот, и впереди замаячила знакомая по многочисленным слайдам из Хранительских энциклопедий лепестковая дверь, похожая на увеличенную во много раз ирисовую фотодиафрагму. Ее биомеханизмы оказались (что странно) в полном порядке, и натянувшиеся с сухим шорохом мускульные тяжи втянули лепестки внутрь стен, завершив симфонию шуршаний и потрескиваний громким металлическим щелчком. Эль быстро скользнул в открывшийся проем (зная по хроникам, что лурианские двери закрываются не менее быстро, чем распахиваются) и остановился, оглядывая округлое пространство полуразрушенной рубки, захламленное обломками каких-то модулей и свешивающимися во все стороны наподобие волос медузы Горгоны обрывками тросов, кабелей и прочего местного хозяйства. Надежда отыскать в этом хаосе что-либо полезное быстро улетучивалась, но все же Эль решил для очистки совести заглянуть, соблюдая все мыслимые меры предосторожности, в пару-тройку закоулков.

После примерно получасовых поисков «улов» был невелик, но существенен: в рюкзачке за спиной негромко побрякивали штук шесть каких-то блочков непонятного назначения, вроде бы неповрежденных и пригодных хотя бы на продажу старьевщикам. Правда, в бортовом компьютере галеона кто-то уже явно покопался до него, – во всяком случае, ничего похожего на модули памяти там не оказалось, хотя и должно было быть, но Эль не особенно на это и рассчитывал. Он протиснулся в узкий лаз между двумя рухнувшими друг на друга секциями какой-то аппаратуры, сдвинул в сторону занавесь металлических плетеных жил, обгорелых и сплавившихся на концах маленькими гладкими шариками, и замер: там, прижатый к стене массивным обломком арматуры, неподвижно лежал скафандр неизвестной конструкции. Но даже не это

поразило его внимание – сквозь прозрачный выпуклый щиток гермошлема на него глядели огромные, в пол-лица, широко раскрытые голубые глаза, и бездонные озера их черных зрачков были наполнены грустью и болью...

Выкручивая, словно руку с занесенным кинжалом, предательскую арматуру, а потом спеша с невесомым найденышем на руках на борт «Геракла», Эль молил всех ведомых и неведомых богов только об одном – чтобы спасенное им неизвестное существо оказалось приспособлено к земной атмосфере или чтобы удалось, отыскав в Звездном кадастре его родную планету, подобрать нужный состав воздуха. Уже влетая со своей драгоценной ношей в шлюзовую камеру своего старого трейлера, Эль взглянул еще раз туда, за прозрачный лицевой щиток, чтобы убедиться, что у найденыша все в порядке, и только теперь понял, что капризная ветреница судьба вознаградила его знакомством с очаровательной представительницей цивилизации дисов...

Когда Гайя, уже на борту «Геракла», окончательно пришла в себя, а ее миниатюрная космическая лодочка уютно разместилась в недрах объемистого геракловского грузотсека, она (с помощью «Мирона», в памяти которого, к счастью, оказался графический земной словарь-разговорник) картинками рассказала Элю о произошедшем. Лурианский сухогруз она отыскивала недели две назад с помощью какого-то хитроумного самодельного сканера, «пробивающего» пространство на пол-парсека. Конструкция этого монстра (как, впрочем, и большинства других встречавшихся в даль-космосе посудин) ей была в общих чертах знакома, а потому она сразу же проникла в спиральный коридор почти у самого центра. В командной рубке сразу же извлекла из биокомпьютера дымчатый шар центрального мозга, закапсулированного по аварийному распорядку еще при аварии корабля, а затем, перерубая плазменным резаком мешающие тросы и кабели, направилась ко второму по ценности объекту – малому управляющему мозгу системы жизнеобеспечения, выглядящему в лурианском исполнении довольно невыразительно: всего лишь округлой нашлепкой на стене, но, тем не менее, уникальному по конструкции. А когда Гайя после невероятных усилий почти дотянулась до байонетов крепления МУМ, гряда искореженного металла внезапно потеряла устойчивость.

Скафандр, многослойная броня которого была рассчитана на гораздо большие нагрузки, выдержал удар. Но это был огромный капкан: обломок рангоута прижал ее к стене, словно гигантскими челюстями стиснув вооруженную резаком руку. Гайя оказалась в ловушке: рухнувшая конструкция оказалась слишком массивной, чтобы удалось оттолкнуть ее прочь. А дисы – слишком гордая раса, чтобы предусмотреть в скафандрах маленький аварийный сигнализатор, который мог бы излучать стандартную по межлингво триаду отчаянного призыва на помощь...

Тихонько, чтобы не разбудить Гайю, устраиваясь в гамаке и пристегивая ремни фиксационных поясов (можно было бы обойтись и без них, благо кругом покой невесомости, а резких маневров вроде бы не предвидится до утра, но уж очень не хотелось рисковать проснуться вниз головой в каком-нибудь совсем неподходящем месте), Эль собрался подремать оставшиеся до Касситерид четыре с половиной часа. И, прежде чем явь сменилась туманно-расплывчатыми грезами сна, память прокручивала в своем невидимом кинозале последние кадры давних событий на Ярле, когда он сумел выжить только благодаря Ей, навсегда ставшей теперь для него сестрой...

Витаманцер

Ярла, или, как ее называли в эпоху Конфедерации, Джарла, – маленькая, неприметная звездная система. Если можно так выразиться, «блудный сын» земной цивилизации. Эль постарался вытянуть всю информацию о ней из обширной информационной кладовой «Мирона» и даже не поленился отправить запрос в Информаторий, так что насколько возможно, был в курсе. Прародителями жителей Ярлы были земные колонисты еще досветовой эпохи, энтузиасты, отправлявшиеся в никуда, зная, что назад никогда не вернуться. На огромных кораблях-матках, почти мини-планетах за время полета сменялось несколько поколений, пока, наконец, в зоне досягаемости бортовых локаторов не появилась пригодная для жизни планетка. Так была колонизирована и Ярла, но вскоре после обмена первыми радиосообщениями, каждое из которых «ползло» к Земле несколько лет, связь была потеряна. Колония считалась «погасшей», во время Большой Войны оказались утерянными даже ее координаты и лишь сравнительно недавно Ярла была совершенно случайно обнаружена вновь одной из торговых групп. Колония оказалась на удивление развитой – «кокон Жюффо» класса защиты не ниже третьего, – но и столь же на удивление недоступной для контакта. Доступ внутрь обитаемой планетной системы был полностью перекрыт силовыми полями, и только на самой внешней планетке, не прикрытой защитой, удалось обнаружить нечто вроде коммуникационного пункта. Нельзя сказать, чтобы полученная здесь информация была щедрой, – скорее лишь основные сведения, специально сформулированные для посетителей на межлингво, Едином Земном и еще на трех-четырех чужих языках. Из нее следовало, что Ярла представляет собой что-то вроде единой информационной системы, жители которой общаются друг с другом, непосредственно обмениваясь мыслями, образуя как бы ячейки гигантского супермозга и препоручив все остальные заботы кибер-слугам. После этого в сводке Информатория шли маловразумительные строки цифр, отражающих энергетические и финансовые балансы Ярлы за прошедшие годы, и этим имеющаяся информация исчерпывалась.

– Не густо, – с досадой подумал Эль. Возможно, Гайя смогла бы добавить что-нибудь еще, но времени на радиообмен не было. Гайя отчалила уже месяц назад, направляясь на своей лодочке куда-то в район туманности Яслей. Эль не расспрашивал ее, зачем. Не видел в этом особенного смысла. Гайя была ему симпатична, и те полгода, которые они провели вместе на борту «Геракла», казались Элю незабываемым, чудесным сном. Но все хорошее, увы, заканчивается слишком быстро. Впрочем, Эль на этот счет и не обольщался, стараясь не тешить себя напрасными надеждами, хотя и пытался в быстрых Гайиных взглядах уловить хотя бы тень... чего именно, Эль и сам не представлял себе. На прощание Гайя одарила его своей очаровательной улыбкой и оставила самодельный приемо-передатчик, с помощью которого можно было в любой момент связаться с ней, не прибегая к услугам единой системы связи «ДальКосмос». Передатчик, которым Эль с тех пор так ни разу еще и не воспользовался...

Первые два-три дня Эль готов был взвыть от одиночества и странной, не знакомой ему тоски, словно в душе и сердце образовалась бездонная пропасть, заполненная черной пустотой, такой же, как за бортом. Он попробовал было отвлечься интенсивной работой и вместе с «Мироном» засел за расшифровку лурианских хроник, дабы расшифровать некоторые сведения, добытые совместно с Гайей из бортового мозга сухогруза, – это помогало, но ненадолго. В его снах она снова была рядом, Эль слышал ее чарующий нежный голос, любовался золотом ее волос. Элю хотелось обнять ее, крепко прижать к себе, взяв на руки, как тогда, в первый день их встречи, а она убегала от него по спиральному коридору лурианского корабля, и ее звонкий как серебряные колокольцы смех метался среди обгорелых, пустых стен. – Ну, где же ты, догоняй меня! – и от ее улыбки, казалось, отступали серые тяжелые сумерки заброшенного сухогруза. Эль делал шаг, и вязкая тьма обрушивалась на них со всех сторон, опутывала

тысячей невидимых паутин. Эль пытался вырваться, прийти к ней на помощь, – и просыпался в своем стянутом фикс-поясами гамаке, чтобы снова и снова осознавать свое одиночество... И все-таки он не нажимал кнопку вызова. Если она решила уйти, лучше мучиться самому, чем досаждать ей, – Эль считал это наиболее правильным решением. И в угрюмом молчании мысленно запрашивал у «Мирона» очередной фрагмент переведенного текста, чтобы скрасить время до следующего сна, – одновременно жажда его и боясь последующего пробуждения. До того самого дня, когда «Мирон» зафиксировал пришедшую с Ярлы знакомую триаду аварийного «SOS».

Просьба о помощи, регулярно повторяемая через каждые пять минут, поступала с внешней планеты. По всей видимости, это был стандартный радиомаячок, какие входят в индивидуальные спас-комплекты. Если так, то его владелец мертв или серьезно ранен и не способен ответить на радиовывоз, так что подробности можно было выяснить только непосредственно на месте. Второе из двух предположений заставляло спешить и действовать настолько быстро, насколько позволяла осторожность. Эль пришвартовался вблизи запеленгованного «Мирон» источника аварийного сигнала и, приказав «Мирону» с максимальной внимательностью лоцировать окрестности корабля, выбросился наружу, не заботясь о давлении воздуха в шлюзе. Основательный толчок в спину – атмосферное давление на планетке едва достигало трети земного, установленного на борту, – подтолкнул Эля к затянутому перламутровой пленкой овалу входа в Коммуникатор. Эль, зная по добытому в Информатории описанию местные правила, смело шагнул в нее, проталкиваясь сквозь упругую, будто резиновую переливающуюся муть.

Коммуникационный зал – когда глаза после мельтешения перламутровых пятен адаптировались к ровному бело-фиолетовому освещению – выглядел заброшенным, и достаточно давно. Морщась от заунывной монотонной мелодии, гудящей то ли в ушах, то ли в самом мозгу на два голоса, Эль направился вдоль ряда кресел, стоявших напротив зияющих в пластиковой стене овалов коммуникационных амбразур, туда, откуда доносился сигнал. В одном из кресел что-то блеснуло. Эль бросил взгляд в его сторону и вздрогнул: в кресле и на полу под ним беспорядочной грудой лежали пожелтевшие кости, а в амбразуре торчал зажатый маской коммуникационного адаптера череп. Впереди виднелся еще один скелет, обтянутый лохмотьями истлевшей куртки с эмблемой торговой ассоциации «Колос», обслуживающей колонии в ближайших трех звездных секторах, еще не рассыпавшийся и прильнувший к амбразуре, а чуть дальше – еще один. Эль осмотрелся и запросил у «Мирона» сведения о внешней обстановке. Получив стандартный мыслеответ – «Все спокойно», Эль несколько приободрился: для его искусственного тела большинство смертоносных воздействий – будь то яды, бактериальное или вирусное заражение, излучения, даже вакуум, – были не страшны, а прочность его достаточна для защиты от механических повреждений не хуже скорлупы даль-скафандра. На всякий случай он переключил зрение во вседиапазонный режим, не считаясь с мелкими неудобствами вроде утраты цветового видения и неприятных ультрафиолетовых проблесков сквозь инфракрасную засветку, и выяснил, что в радиусе по крайней мере прямой видимости нет ничего опасного. Отключил ультрафиолет, прислушался, наклонив голову, к очередной трели «SOS», чтобы убедиться в правильности направления, и потопал дальше. Впрочем, было ясно, что здесь помогать уже некому.

Добравшись до источника сигнала, Эль понял, что в этом не ошибся. С трудом втиснутое между поручней кресла тело полакрона уже начинало разлагаться: узкое коническое рыло этой разумной ящерицы было целиком затянуто маской, суставчатые щупальца свисали до самого пола, а на шейном кольце пульсировал, расходуя последний ресурс батареи, аварийный маячок, должно быть, автоматически включившийся еще в момент смерти владельца. Эль хмыкнул: не коммуникатор, а какой-то склеп! Он снял маячок, выполняющий заодно функции «черного ящика» и фиксирующий последние мгновения жизни владельца, отключил его, выдавив предо-

хранитель, и не глядя сунул в карман комбинезона. Особого желания продолжать осмотр местных «достопримечательностей» у него не было: правила предписывали направиться теперь в ближайший крупный космопорт, сдать властям рапорт и маячок, а дальше здесь будут копаться эксперты полиции Анклава. Эль повернулся к выходу, но краем глаза заметил еще что-то, блеснувшее у самого пола. Аккуратно разжав скрученное в судороге щупальце, он извлек тускло поблескивающий кристалл пси-письма, оборванного на середине заполнения. Эль перебрал «Мирону» его содержимое и, с трудом продираясь сквозь похожие на колючие заросли поливариации образов и чувств чужеродного сознания, попытался понять смысл адресованного в никуда послания. С превеликим трудом отыскав в письме нужную нить (мышление полакрона подобно многозадачной вычислительной среде, он может «думать» одновременно по десятку разветвляющихся и взаимопересекающихся направлений), Эль в сопровождении всплывающих из подсознания подсказок «Мирона» последовал по ней, пытаясь выявить главное.

В торопливо-испуганной мешанине мыслеобразов сложно было понять что-то наверняка, но похоже было, что вся Ярла по уши влопалась в большую проблему. Соваться в самое пекло Элю откровенно не хотелось, но другого выхода не было: выяснить что-то определенное можно было только через коммуникатор. Эль отыскал свободную амбразуру, убедился, что она все еще работоспособна, дал «Мирону» команду фиксировать в памяти все полученные им, Элем, внешние впечатления и прижался к маске, ожидая, когда ее адаптивный био-пластик в достаточной степени плотно охватит голову, а щупальца пси-контактов установят связь с УИМом. Послышалось тиканье таймера, отсчитывающего секунды до входа в Сеть, из невидимого «сбоку» поплыли колышущиеся полосы – коммуникатор калибровал сигналы, – полыхнула стартовая зеленая зарница, и Эль на мгновение перестал осознавать свое существование...

Мгла. Пыльная серая завеса или, скорее, марево над выжженной дотла почвой. Где-то далеко за горизонтом ухает разрыв, и в небо устремляются фиолетовые иглы аннигиляционной вспышки. Твердь под ногами дрожит и раскачивается, словно палуба корабля, а в электромагнитном диапазоне настоящий шторм. Эль машинально закрыл лицо рукавом.

Неужели снова война? Или еще не закончилась та, давняя? Эль мучительно напрягал свою память. Увы, только обрывки. Жалкие крохи чувств, мыслей, воспоминаний... Странно. Он совершенно один – ни нападающих, ни обороняющихся. Ни врагов, ни друзей. Ни одного выстрела или взрыва – только за горизонтом периодически ухает, заставляя дрожать каменистую почву. Как театральная декорация или, точнее, звуковизуальное оформление за сценой. И тело: странно – это не боевая машина. Это старый добрый «Катран». Хрупкий, – неудивительно, что вибрации так чувствительны. Точно, он самый! Вот и едва заметный шрам на левом запястье: пластиковая кожа была разорвана слишком сильно, и Виталик заваривал ее прямо на месте, в шахте. Или Василий?

Эль огляделся: кругом все та же пустошь. Выжженная, курящаяся серой пылью, побитая воронками равнина. Только у самого горизонта вроде бы что-то виднеется в просвете между черными скалами. Надо идти туда. Воздух тяжелый и вязкий, словно сироп. Звуки шагов плывут, как на магнитофоне с «севшей» батареей. Может быть, это только сон?

Эль останавливается и снова осматривает себя. Как узнать, сон это или явь? Вспомнив поговорку, щиплет себя за руку, совсем рядом со шрамом. Больно. Значит, это реальность? Или боль ему тоже снится? Есть только один способ понять, что спишь, – проснуться. Но не получается, не удастся сбросить с себя невидимые путы. Изнутри мыслей что-то словно подталкивает в спину: вперед! Только вперед!

Эль приближается к цели, не обращая внимания на разрывы и вспышки, которые все так же остаются вдали, отодвигаясь вместе с невидимым горизонтом. Перед ним узкое ущелье или, вернее, пролом в скале; грубые сколы и грани черного с блестками камня не выветри-

лые, будто пролом сделан только вчера. Эль взбирается на груды глыб, сброшенных оползнями и нагроможденных у входа в пролом. Опа-на! Ущелье короткое, всего с полсотни метров, и на противоположном его конце четко выделяется черная двуногая фигурка. Человек. Без скафандра? Или такой же киборг? Сознание пытается дорисовывать увиденное, и очень трудно отсечь реальное от домысленного. А сейчас важно понять именно реальность, – если только она возможна во сне.

Противник (это более вероятно) не двигается с места и не проявляет агрессивности. Похоже, что он безоружен. Как и сам Эль. Эль делает шаг навстречу – черная фигурка повторяет его движение. Еще шаг... Кажется, чужак не собирается нападать. Что ему надо? Мир сузился до усыпанной щебнем тропинки. Еще шаг, еще... Эль останавливается и осматривает чужака вблизи. Тот тоже замирает в неподвижности.

Ну да, это тоже «Катран». Той же самой модели, что и Эль. Привет, коллега!

Эль медленно, стараясь не дать повода к агрессии, протягивает вперед раскрытую ладонь. В ответ столь же медленно тянется ладонь чужака. Пальцы соприкасаются, и вдруг вместо рукопожатия одна рука плавно погружается в другую. На ощупь – как плотная, упругая резиновая пленка, вроде той, что на входе в Коммуникатор. Эль придвигается ближе, срастаясь со своим двойником, секундное усилие, – и пройдя сквозь него, вываливается в пустоту.

Мгла. Серая пыльная муть над каменистой пустошью. Только на горизонте – черные скалы и узкий просвет между ними. И где-то за горизонтом – еще одна фиолетовая вспышка, сопровождаемая уханьем взрыва...

Сколько прошло времени? Где он? Или даже, может быть, кто он? Эль устало обхватил руками колени. Бессчетное число раз он пытался штурмовать невидимые стены. И всегда с одним и тем же результатом: куда бы он ни шел, везде сталкивался только с самим собой. А потом его снова и снова выбрасывало на прежнее место. Огромная клетка. Или, точнее, Закольцованный Мир: кусок пространства, замкнутого само на себя и потому «выпавшего» из Вселенной. Эль посмотрел вверх, на дымное, подсвечиваемое сизыми зарницами небо. Жаль, «Катран» не снабжен реактивным ранцем или чем-то в этом роде: проверить бы, закрыт ли выход и сверху?

Эль закрыл глаза. В памяти – такая же выжженная дотла пустота. И в душе тоже. Только одна мысль, одно воспоминание – ноет, как заноза, не дает покоя. Но чуть попытаешься сосредоточиться – ускользает, не дается, теряется в серой мгле, затянувшей мозг. Что-то очень важное. То, от чего зависит спасение из этой невидимой клетки, а может быть, и сама жизнь. Но что? Только раз мелькнуло перед мысленным взором нечто, подобное... Эль не мог подобрать ассоциаций. Какой-то маленький силуэт. Какая-то птица, имя которой не сохранила память. Почему птица?

Размеренное, как часы, уханье разрывов за горизонтом... С ума можно сойти! Или уже некуда?..

Эль вздрогнул. Что-то неуловимо изменилось в окружающем его мире. И это «что-то» сработало как предупреждающий звонок для измученного монотонностью мозга. Эль не сразу понял, в чем дело. Вот оно что – ритм «закулисных» взрывов стал другим, – более учащенным, словно пульс при волнении. Фиолетовое свечение плывет, переливается в наполненном пылью воздухе, заставляя скалы на горизонте колыхаться наподобие фруктового желе. Или это сам окружающий мир сминается в складки, превращаясь в бессмысленную мешанину пятен?

Еще мгновение, и неверная, смазанная серо-фиолетовая картина рвется, словно истлевшее полотно. Зеленые трещины множатся, раздирая небо, дробя скалы. Мир расплзается на куски, и Эль медленно, невообразимо тяжело выползает из ставшего тесным пространства, подобно линяющей змее.

Бело-лиловый свет режет глаза, сквозь него проминается темное, расплывчатое пятно. Мозг с трудом начинает воспринимать обрывки звуков. Тряска, словно в лихорадке. Или это кто-то тормозит его, трясет, крепко схватив за плечи. Сквозь поток звуков Эль слышит свое имя, и оно становится своеобразной «точкой отсчета» в настройке восприятий.

– Да проснись же, проснись! – голос неясный, но такой до боли знакомый... Эль сморгнул: зрение, наконец, начало приобретать прежнюю остроту, расплывчатые пятна обретали резкость. Это прелестное, милое личико... Огромные, бездонные озера глаз... Влажные от слез щеки... Звездная гостья – кто она? Память отказывается служить, кажется, вот еще чуть-чуть, и Эль вспомнит ее, но мысль ускользает, теряется...

– Гайечка?! – осознание, приходящее как вспышка, как взрыв внутри самого себя. Как магический пароль: перед глазами чередой поплыли воспоминания – от момента их расставания и назад, в прошлое.

Эль тупо глядел на обвисшую маску коммуникационной амбразуры. Гайя, уткнувшись ему в плечо, беззвучно плакала. Утешать он не пытался: после всего произошедшего такая разрядка ей, наверное, необходима.

– Ну зачем же ты туда полез? – она все еще всхлипывая, вытирала платочком мокрые от слез щеки. – Зачем?

Эль молча передал ей кристалл. Гайя покачала его на ладони: в отличие от киборга она не могла считать его содержимое, не прибегая к услугам специального проектора.

– Ведь Ярла – это мертвая планета! Ее стараются обходить стороной даже в официальных сводках! Ты что, не знал?!

Эль отрицательно покачал головой.

– Разве... – он попытался что-то сказать, но Гайя, перебив его, быстро и сбивчиво затараторила на родном наречии. «Миرون» попытался было выполнять синхронный перевод, но Гайя, опомнившись, смолкла. И через мгновение продолжила уже на межлингво:

– Я была здесь пару десятков лет назад. Тогда они были еще живыми...

Эль слушал ее нежный, срывающийся от волнения голос, и перед его мысленным взором проплывали картины описываемых событий. Так, словно он видел все своими глазами, – или может быть, мертвая планета все же передала ему какую-то информацию, – ведь Эль на несколько дней стал ее частью?

«Сердцем» Ярлы с самого основания колонии стала компьютерная сеть. Сначала примитивная, с переброской друг другу текстов и прочтением их с экранов персональных мини-машин. Позже – голосовая. Потом, как и на Земле в свое время, виртуальная. Но Земле помешала война. Ярла же развивалась все большими темпами. Очень скоро ярлианцы создали машины, подключаемые непосредственно к мозгу и работающие сразу с цельными образами. Это было очень сложно: ведь нужные образы должны изначально иметься в сознании, а по сети передаются только их вызовы, своего рода «маркеры». Поэтому первое время бывали случаи, когда адресат «видел» совсем не то, что ему передавали. Или не совсем то...

Спасло единообразие в обучении по одной и той же для всех школьной программе: запомненные образы оказывались более или менее стандартизированными. Позже обучение заменили простой «накачкой» мозга информацией, и жители Ярлы превратились в абсолютно идентичные копии друг друга в смысле мышления. Изменился и их образ жизни: колонисты все больше времени проводили в созданном компьютерами виртуальном мире, сидя в индивидуальных креслах-коконах под паутиной информонитей. В реальном же мире все чаще хозяйничали роботы – самоорганизующиеся киберы и дистанционно управляемые через виртуальную

реальность телеботы. И вот, наконец, настало время, когда Ярла целиком ушла в виртуальность. Колонисты поколение за поколением жили там, в иллюзорном зареалье, а машины – автономные электронно-механические няньки – заботились об их телах, погруженных в капсулы с иммерсионной жидкостью и подключенных к системам жизнеобеспечения. «Лишние» органы атрофировались на удивление быстро – колонисты, ставшие теперь лишь ячейками супермозга размером с целую планетную систему, представляли собой комки протоплазмы, оплетенные нитями подключения к сети и неспособные ни к чему, кроме как мыслить. Остальное – дело машин. Собственно, вся Ярла стала единым разумным сверхсуществом, наделенным мощнейшим интеллектом.

Когда произошел Великий Перелом, неизвестно. Как неизвестно, почему и как. Может быть, виртуальная система Ярлы, бывшая до того лишь сетью связи между колонистами, вдруг каким-то образом осознала себя как личность. Как индивидуальное разумное существо, в котором колонисты были лишь чем-то вроде нервных клеток. Они жили в виртуальном мире, – но теперь и виртуальный мир жил в них самих.

Это было началом конца. А впрочем, может быть, он наступил и раньше – когда была утрачена индивидуальность личностей. Ни одна компьютерная система не способна сама по себе породить информацию – мысли, образы, чувства. Ярла от рождения знала лишь то, что знали ее «нервные клетки». Но любое разумное существо не способно жить в информационной пустоте. Оно будет искать новые впечатления, жадно впитывать в себя любую информацию, случайно оказавшуюся в зоне досягаемости. Для Ярлы, наглухо «упакованной» в кокон защитных полей, единственным источником такой информации стал Коммуникатор – и те его посетители, кто по неведению подключался к амбразурам. Теперь уже никто не узнает – дочиста ли Ярла «высасывала» содержимое памяти попавших в ее цепкие щупальца, опустошая мозг несчастных? Или она просто подключала их к себе в качестве новых «ячеек памяти»? Но, похоже, Эль первый, кому удалось вырваться из «виртуальной клетки». Благодаря Гайе – он с благодарностью посмотрел на нее.

– А тебе самой-то как это удалось? – спросил Эль, когда Гайя закончила свое повествование. – Войти в виртуальный мир Ярлы, не став при этом его рабыней, а потом вытащить меня. Ведь это же ты разбила зеркальные стены? Разве не так?

Гайя посмотрела Элю в глаза.

– Я не подключалась к сети. – Ее взгляд был очень серьезным и... растерянным. – Нашла тебя здесь в кресле, прилипшим к этой дьявольской маске. Я думала, что ты спишь, потом боялась, что ты умер. Звала тебя, умоляла вернуться из этого «ниоткуда»...

– А как ты узнала, что я здесь?

– Не знаю... В какой-то момент мне показалось... я почувствовала, что нужна тебе. Очень нужна. Меня словно звало что-то, хотя я и не знала куда. Прыгнула через подпространство наугад... а потом увидела на экране локатора планетку Коммуникатора и твой «Геракл»...

Эль притянул ее к себе, чувствуя тепло ее дыхания. Он начинал понимать, *что* произошло с ним там, в виртуальной глубине. Ярла, может быть, сама этого не осознавая, «разгрузила» его сознание от многочисленных наслоений мыслей и воспоминаний, которыми он, Эль, пытался отгородиться от действительности. Ярла показала ему самого себя, такого, каким он был на самом деле, а не хотел казаться себе и другим. Пустота и одиночество, которыми была наполнена его душа после разлуки с Гайечкой, – вот та пустыня, которая стала его невидимой тюрьмой. И на мгновение он вспомнил, четко увидел тот непостижимо ускользавший от сознания образ: парящая высоко в небе быстрокрылая ласточка, несущая в клюве – не золотую, не серебряную, не бриллиантовую, – а самую обыкновенную, живую веточку ландыша. Вечный символ возрождения – природы, жизни, – и души...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.